

Андрей ФАМИЦКИЙ

ХВОРОСТ

Стихи

«НЮАНС»
Таганрог
2015

ББК 84(2Рос=Рус)-5
Ф 20

Андрей Фамицкий
Хворост
Стихи
«Нюанс», Таганрог. 2015 – 28 с.

В оформлении первой стр. обложки использована работа художника Марии Ашейчик.
Автор фото на последней стр. обложки Татьяна Ткачева.

ISBN 978-5-98517-344-4

*Автор выражает благодарность
Евгению Бесчастному, Ольге Злотниковой
и Феликсу Чечики за помощь в составлении
этой книги.*

В книгу «Хворост» вошли новые стихи Андрея Фамицкого.

Координатор серии
Тимофей Кононов <timocon@yandex.ru>

ISBN 978-5-98517-344-4

© А. Фамцкий, 2015
© Н. Огнева: фирменный стиль серии, 2015
© «Нюанс», 2015

«Это ряд наблюдений...» (Предисловие)

Человек, у которого живет монохромный кот с гомерическим именем, поэт. Он разрешает Одиссею органично существовать на обеденном столе, чавкать букетом ландышей в охотку, разглядывать с балкона в специальное окошечко прохожих мопсов и безнаказанно выходить прогуляться на лестничную площадку. Когда Одиссей был еще большим молокососом, чем сейчас, его хотели убить, потому что так люди поступают с бездомными животными.

Хворост. Сухое, ломкое, рассыпчатое. Отдельное. Он хорошо горит. Им можно согреться. В хворосте нет никакой претензии, это смиренная и нужная вещь. Когда-то она была необходима ежедневно, теперь мы согреваемся электричеством – живое тепло устарело.

*если все это только хворост,
я готов развести костер.*

Но очистительная сила огня – нуминозна, она и жизнь, и смерть. Дар Прометея людям – двуостр, как пророчества надышавшихся ядовитыми парами Пифий. Поди разбери – согреет он тебя или испепелит. На этот раз.

Пляшущий на горстке хвороста огонь – это и вдохновение, посетившее поэта, и наше сознание, скользящее по строчкам стихотворения, и то, к чему так стремительно и неотвратно летят бабочки и мотыльки.

*бабочки умирают
быстро и навсегда.
это напоминает
день Суда.*

*ты не смог – волны хлещут –
устоять на воде.
бабочки не трепещут
в животе.*

Краткой жизнью бабочек и нежной метафорой переживаемой влюбленности (бабочки в животе) или другого чувства, когда понимаешь, что жив, соединены хрупкость мира, бренность и сиюминутность наших ощущений, внешнее и внутреннее.

Но мы ведь и сами немного бабочки.

*под черной лампой черный мотылек.
пью черный кофе, тихо наблюдаю.
в твой ареал включился мой чертог
и стол, в чьем ореоле обитаю.*

Нас объединяет не только скупое понимание смысла этой маленькой вспышки (да, Артур Ш.?), световая аддикция, общая слабость и немота, потерянности, но и Владимир Набоков. И мы накалываем и засушиваем легкие мгновения (шепотом) нашей жизни.

*но если я сгораю со стыда,
сам о себе не зная, кто я, где я,
то на тебя не действует звезда,
на чей штатив наклеено: «Ikea».*

*и если б мы нашлись в другой ночи,
в другой вселенной и другой хибаре,
неужто тоже были бы ничьи –
ничтожные, немые Божьи твари?*

Человек, который провел значительную часть своей двадцатилетней жизни – а именно 8 долгих ее лет – в детском доме, пишет:

*Мы ходили в котельную,
Где с нас состригали детство.
На рубашку нательную,
Доставшуюся в наследство
От прокуренных старших,
Молодой устремлялся локон,
А потом было страшно
Засыпать у огромных окон
На огромных скрипучих койках
В холодном теле.
Кто-то плакал во сне тихонько,
И дни летели...*

И они пролетели.

*Приветливый парикмахер
Вечно спрашивает,
Какую хочу прическу.
Я сижу перед ним
В дорожке такой рубахе
И почти что привыкший
К своему покупному лоску.
Возвращаюсь к себе –
Нахожу себя на диване,
Что стоит у стены,
От большого окна подальше.*

*И сострижено детство,
И мы обросли делами,
И хочу закурить
Или просто уснуть пораньше.*

Наверное, в том, чем мы становимся в результате испытаний и жизненных перипетий, и состоит та самая проверка доброкачественности нашей души. Кто-то становится хуже. «Конечно, – киваем мы с пониманием, – ему столько выпало перенести и испытать... не удивительно». Но ведь другой делается только лучше – добрее, сострадательнее, отзывчивее, чище. И тут нам уже и сказать нечего. Да и говорить ничего не надо.

*по паре каждой твари на земле
а некоторых тварей даже больше
и если жить то лучше не во зле
поэтому во зле не дай мне Боже*

*а дай мне пару чтобы и она
жила по духу Твоего завета
и чтобы нас устроила цена
которую Ты заплатил за это*

Но здесь нет никакой гордыни, только вдумчивая заботливость о Том, Чья жертва ощущается адресно. А принимать – разве с этим могут быть какие-то проблемы?

*Анне Северинец
художник должен быть голодным.
какая чушь!
он может быть каким угодно,
как скарамуш.*

*но если это невозможно
и он поэт,
то предложите осторожно
ему обед.*

*он не откажется, ей-богу,
а будет рад
читать к столовой всю дорогу
про плен и ад.*

*а после, из столовой выйдя,
отдаст поклон
и скажет вам, что вы Овидий,
а вы Антон.*

Чувство юмора – прекрасная спасительная штука. Без нее было бы пресно. В этих стихах нет ярких плевков злободневной сатиры, но уютной самоиронии хоть отбавляй.

*два бомжа. один другому
говорит:
где моя дорога к дому,
друг пиит?*

*и бредут под снегом двое
наугад,
а о них навстречу злое
говорят.*

Хотя, конечно, не только уютная самоирония, но и надрывная. И вообще я могла бы писать об аллюзиях, интертекстуальности, мелькающих то тут, то там знакомых профилях и анфасах,

но отчего-то мне не захотелось трогать живые
тексты Андрея Фаицкого филологическим
скальпелем.

*Между прочим,
Все мы...
И.Б.*

*между брюнеткой и блондинкой
все рифмы влажные твои,
что ж, будь поэтом-невидимкой,
дрочи, скрывайся и таи.*

*а перетерпишь эту зиму,
весной такой поднимешь вой,
что рты все критики разинут
и не одна шепнет: «смешной...»*

*когда-то жил на этом свете,
на стекла вечности дышал,
ну а теперь, в постели смерти,
хранит тебя твой Мандельштам?*

Надя Делаланд

* * *

под черной лампой черный мотылек.
пью черный кофе, тихо наблюдаю.
в твой ареал включился мой чертог
и стол, в чьем ореоле обитаю.

но если я сгораю со стыда,
сам о себе не зная, кто я, где я,
то на тебя не действует звезда,
на чей штатив наклеено: «Ikea».

и если б мы нашлись в другой ночи,
в другой вселенной и другой хибаре,
неужто тоже были бы ничьи –
ничтожные, немые Божьи твари?

* * *

электрогазосварка
работала всю ночь,
звезда горела ярко,
ну Сириус – точь-в-точь.

как радиоприемник,
мой кот установил
себя на подоконник
и что-то там словил.

а утром до рассвета
проснулся я, когда
звезда погасла эта,
и не нашел кота...

* * *

в этом славном городе
одинок, как
будто смерть на проводе,
говорит: «чувак,

не печалься, скоро мы
встретимся с тобой,
не кидайся в стороны,
а пока отбой».

и сажу за штору,
жду издалека.
а от той, которую,
нет и нет звонка...

* * *

бабочки умирают
быстро и навсегда.
это напоминает
день Суда.

ты не смог – волны хлещут –
устоять на воде.
бабочки не трепещут
в животе.

* * *

Анне Северинец

художник должен быть голодным.
какая чушь!
он может быть каким угодно,
как скарамуш.

но если это невозможно
и он поэт,
то предложите осторожно
ему обед.

он не откажется, ей-богу,
а будет рад
читать к столовой всю дорогу
про тлен и ад.

а после, из столовой выйдя,
отдаст поклон
и скажет вам, что вы Овидий,
а вы Антон.

* * *

можно быть непонятным
и снискавшим успех
откровенно плакатным
и плевавшим на всех

можно быть тем и этим
или этим и тем
не вторым и не третьим
а собой и никем

ДВОРНИК

я занят
зарабатываньем денег.
я знаю,
что такое понедельник,

и вторник,
и среда, четверг, и после...
я дворник –
мне богатым стать не поздно.

а листья
так похожи на банкноты,
что лично
мне сжигать их неохота.

* * *

два бомжа. один другому
говорит:
где моя дорога к дому,
друг пиит?

и бредут под снегом двое
наугад,
а о них навстречу злое
говорят.

* * *

*Между прочим,
Все мы...*

И.Б.

между брюнеткой и блондинкой
все рифмы влажные твои,
что ж, будь поэтом-невидимкой,
дрочи, скрывайся и таи.

а перетерпишь эту зиму,
весной такой поднимешь вой,
что рты все критики разинут
и не одна шепнет: «смешной...»

когда-то жил на этом свете,
на стекла вечности дышал,
ну а теперь, в постели смерти,
хранит тебя твой Мандельштам?

* * *

Наталье Даминовой

вечность почти прошла,
но не прошла усталость, –
как мы легли плашмя,
так лежать и остались.

корни сквозь нас растут,
и копошатся черви, –
видно, напрасный труд
нас пробуждать к вечерне.

холодно и темно,
но тем сильнее охота
благословить вино
и возлюбить кого-то.

ВОСКРЕСЕНИЕ

я проснулся, и утро дышало в глаза,
и плешивый птенец мне запел из гнезда.

детский смех за окном и старушечий крик,
это точно весна, просыпайся, старик!

поднимайся, иди к этим людям внизу,
жизнь попробуй на вкус, мир попробуй на зуб.

будь красивым, как бог, и богатым, как Крез,
и запомни: сегодня ты снова воскрес.

2009

* * *

время газонокоса,
злая бензокоса
так, что бензин из носа,
пьет его за глаза.

время быть наготове
мученикам травы,
время зеленой крови,
пролитой зря, увы.

для записных летуний,
самозабвенных пчел,
время вернуться в улей
и не узреть шеол.

* * *

трещины на асфальте
скрещены как распятыя.
и трава прорастает –
воскресает.

* * *

Язык мой стал звериным или птичьим...

В. Ходасевич

я почувствовал вкус во рту,
оказалось – язык чужой,
но не вспомнил у нас в роду
хоть кого-нибудь с чешуей.

вспоминая нелегкий хлеб,
выползая на солнцепек,
слава Богу, что не ослеп,
не ушел, как вода в песок.

что теперь, заглотив свой хвост?
или тварью дрожать, как все,
отражая мерцанье звезд
чешуею во всей красе?..

* * *

кочующие кучевые
и перистые облака
вы то ползете чуть живые
а то пускаетесь в бега

но так и я в своей отчизне
не человек не пароход
а только подтвержденье жизни
чужой которая пройдет

* * *

разговаривать светом,
как машины в пути.
быть почти что бессмертным
и не спать до пяти.

заправляться горючим,
а заглох, а ослеп,
не грусти, что мы глючим, –
Бог возьмет на прицеп.

в этой гонке мышиною
будет нам поделом.
станет новой машиной
славный металлолом.

* * *

по паре каждой твари на земле
а некоторых тварей даже больше
и если жить то лучше не во зле
поэтому во зле не дай мне Боже

а дай мне пару чтобы и она
жила по духу Твоего завета
и чтобы нас устроила цена
которую Ты заплатил за это

* * *

если все это только хворост,
я готов развести костер.
почему до сих пор я холост
и обыскиваю простор?

я давно собираю сучья,
грею косточки у костра –
то ли это натура сучья,
то ли муза мне не сестра.

* * *

В. Фамицкой

спой мне колыбельную о боли
и укутай в мешковину, что ли.

обмани какой-нибудь уловкой,
обними пеньковою веревкой.

чтобы я ни капельки не плакал,
колесуй, а то и сразу на кол.

если в ласке ты не мастерица,
прояви хоть как-то материнство.

* * *

приближен к оригиналу,
но копия навсегда.
и сколько себя ругаю,
и сколько хвалю себя, –

все будет одно и то же:
ты правда и ты же ложь,
ведь сколько ни лезь из кожи,
без кожи не проживешь.

и тщетно ищу покоя –
кого бы там ни играл,
а не понимаю, кто я
и кто мой оригинал...

НИКТО

под свисток динамичного паровоза
умирает Анненский на вокзале.
никакая поэзия или проза
ничего пронзительней не сказали.

ждут курсистки прекрасного педагога,
паровозный дым окна черным застит,
Царскосельская тихо поет дорога,
и одна Звезда незаметно гаснет.

* * *

Евгению Бесчастному

тот самый монументум,
да, воздвиг.
замызганный цементом,
он возник.

теперь тут ни проехать,
ни пройти,
ах, муза, что за прихоть,
прекрати.

зачем здесь эта дура
до небес?
нелепая фигура,
лишний вес.

а если к ней студенток
приведут?
я б в жизни не сидел так,
даже тут.

уродливое эго
на века,
Горациус, коллега,
нафига?

кому какое дело
до того,
что знало это тело
божество?

* * *

это все не подходит – шпильки да бигуди:
или выбросишь, или сломаешь,
я бы сделался крестиком у тебя на груди –
ты его никогда не снимаешь.

* * *

мы чертовы хиппи, детка,
давай уже раздевайся!
должны совмещаться где-то
проверенных два девайса.

забудь о своем айпode,
Стив Джобс ничего не скажет,
побудь со мной на свободе –
она самый классный гаджет.

не надо железных яблок,
не надо червивых денег,
ведь только любовь аналог
того, чему нет подделок.

* * *

идеально совпали
две поверхности тел
как простые детали
что недолго вертел
прежде чем присобачить
и пойти покурить
с кем-нибудь посудачить
ни за что подарить

* * *

куролесил с музами земными
называя блядью ту одну
а когда расплачивался с ними
понимал что всех не потяну

и теперь когда один остался
и смотрю ей недалекой вслед
понимаю что не тем спасался
и спасенья никакого нет

пожалуйста

пожалуйста,
не уезжай,
пожар устрой,
неурожай,

побоище –
только не в дверь!..
побудь еще
жизнь или две...

* * *

проза жизни, не ставшая прозой,
но представшая в образе сна
с детской смертью, смертельной угрозой –
злое зло против доброго зла.

я не снайпер со сбитым прицелом
и воюющих видел в гробу.
для чего же ты, дура, присела
в изголовье – неужто к добру?

* * *

учитель превзошел ученика
в количестве вкушенного спиртного.
вот-вот река начнется с ручейка,
а он М.А. цитирует Светлова.

за голову берется ученик:
еще б себя ты выбрал для примера!
верни скорее чертов черновик
и дай мне Данте и Аполлинера.

он, собственно, за этим и пришел,
но вынужден домой идти с рассветом.
а выглядит все даже хорошо,
когда б не знать, что вырастет поэтом.

КУХНИ

1.

А. В. Третьяку

у поэта дома
кофе и яичница,
до обеда дрема,
рифма не отыщется.

но приходит верный
ученик внимательный,
и себя мгновенно
ощущаешь Мастером.

2010

2.

*Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин.*

О. Мандельштам

я один на кухне посижу,
керосин понюхаю, скажу,

что не нож тупой – так черствый хлеб,
а корзину из веревок – слеп.

я б сейчас сорвался на вокзал,
если б то, что ты вернешься, знал! . .

2011

3.

сиджу на кухне,
провожаю день.
сова не ухнет –
за окошком город.
и жизнь в кавычки,
в мысли – дребедень,
и по привычке
подступает голод...

его встречаю,
распахнув тетрадь.
и кофе чаю
предпочтя когда-то,
я знаю точно –
нечего терять,
когда под строчкой
проступает дата...

2010

* * *

Ольге Сухановой

иногда в середине ночи
я включаю на кухне свет.
здравствуй, тень, а чего ты хочешь?
если что, алкоголя нет.

что, не видела холостого?
будь здорова! я не курю.
ну куда ты полезла снова?
алкоголя нет, говорю.

эк терзаешься ты, бедняга...
но зато – о, благая весть! –
есть и ручка, есть и бумага,
кофе – тоже.
что есть, то есть.

СОХА

я просто пишу стихи
как знаю и как умею.
я пахарь не от сохи,
возьмусь за соху – х*ею.

заканчиваю в поту,
а что ж вы хотели – трудно!
я, можно, уже пойду?
я снова пахал под утро...

* * *

и жалею, и зову, и плачу,
потому что раз и навсегда
жизнь сложилась так, а не иначе,
ты гори, гори, моя звезда.

Содержание

«Это ряд наблюдений...» (Предисловие Нади Делаланд)	3
«под черной лампой черный мотылек...»	9
«электрогазосварка...»	9
«в этом славном городе...»	10
«бабочки умирают...»	10
«художник должен быть голодным...»	11
«можно быть непонятым...»	11
ДВОРНИК	12
«два бомжа. один другому...»	12
«между брюнеткой и блондинкой...»	13
«вечность почти прошла...»	13
ВОСКРЕСЕНИЕ	14
«трещины на асфальте...»	15
«я почувствовал вкус во рту...»	15
«кочующие кучевые...»	16
«разговаривать светом...»	16
«по паре каждой твари на земле...»	17
«если все это только хворост...»	17
«спой мне колыбельную о боли...»	18
«приближен к оригиналу...»	18
НИКТО	19
«тот самый монументум...»	19
«это все не подходит – шпильки да бигуди...»	20
«мы чертовы хиппи, детка...»	20
«идеально совпали...»	21
«куролесил с музами земными...»	21
ПОЖАЛУЙСТА	21
«проза жизни, не ставшая прозой...»	22
«учитель превзошел ученика...»	22
КУХНИ	23
«иногда в середине ночи...»	25
СОХС	25
«и жалею, и зову, и плачу...»	26

Общедоступная
литературно-художественная
книжная серия «100-личная МЕТРИКА»

Андрей Фамицкий (Минск)
ХВОРОСТ
Стихи

Текст публикуется в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: Тимофей Кононов

В оформлении первой стр. обложки
использована работа художника Марии Ашейчик.
Автор фото на последней стр. обложки Татьяна Ткачева.

Координатор серии
Тимофей Кононов <timocon@yandex.ru>

Подписано в печать 29.06.2015. Объём 1,75 усл. печ. л.
Гарнитура Arial. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 100 экз. Зак. 61. Издательство «НЮАНС», Таганрог

Отпечатано в типографии Ю.Д.Кучмы, г. Таганрог, Солодухина, 87.
тел. в Таганроге: (8634) 69-00-12, e-mail: y_kuchma@mail.ru